

Дискуссия. Полемика

© 2025 г.

С.А. КУДРИНА

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Кудрина София Альбертовна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия (sofia-kudrina@mail.ru).

Аннотация. Социологи-позитивисты, вдохновленные идеями Просвещения и эмпиризма, стремились к удалению метафизики из социологии во имя прогресса, что и привело к утрате их теориями этического измерения. В качестве антитезиса идеям расового превосходства и выживания наиболее приспособленных в статье рассматривается идея прогресса, основанного не на отборе, а на солидарности и взаимопомощи. Социология, аргументирует автор статьи, служит гуманитарным целям, если, стремясь к научной объективности, не только не множит количество отверженных, но и способствует их адаптации и оздоровлению социальной атмосферы. Важно соблюдение баланса между объективностью социологии и ее этическими основаниями и последствиями.

Ключевые слова: этический аспект социологической теории • философские основы социологии • научная объективность • социал-дарвинизм • нравственные оценки в социологии • солидарность • взаимопомощь • гуманитарные цели социологии • социология и этика

DOI: 10.31857/S0132162525010123

Внимание к этическому аспекту социологии в первую очередь связывают с научным этосом в эмпирической сфере, что весьма важно с точки зрения осмыслиения исследовательской деятельности. Не менее существенно рассмотрение нравственных основ самих социологических теорий как отправных точек, в значительной степени определяющих мотивы и цели деятельности ученых.

Вне зависимости от того, декларируется это явно или нет, построение социологических теорий невозможно вне мировоззренческой основы, а именно – представлений о природе человека и общества. Социологи, выбирающие те или иные философские основания социологии, либо ориентированы в явной или скрытой форме на различение добра и зла как критериев конструктивности/деструктивности деятельности (в том числе научной), либо намеренно игнорируют этическое измерение, что, в конечном счете, также есть определенная моральная позиция и результат морального выбора. Как заметил П.А. Сорокин, если посмотреть на историю мысли, можно обнаружить, что великий моралист, как правило, оказывался и великим социальным мыслителем, а великий социальный мыслитель – великим моралистом, так что «очень мало таких социологических произведений, если они вообще есть, которые были бы свободны от нравственных оценок,

таких, как «это желательно или нежелательно», «полезно или вредно», «прогрессивно или регрессивно», «справедливо или несправедливо», «нравственно или безнравственно», «социально или антисоциально»» [Сорокин, 2017: 160].

Позитивистские социологи, вдохновляемые идеями французского Просвещения и английского эмпиризма, подчеркнуто декларировали нейтралитет, свободу от оценок и дистанцировались от метафизики в пользу искомой научной объективности. Их отказ от метафизики также был предполагаемым условием достижения успеха в поисках здорового общества, развивающегося эволюционно. У некоторых из них это было сопряжено с пренебрежением человеком, который по тем или иным естественным причинам мешал проекту грядущего здорового общества: «Эти несовершенные существа – ошибки природы... Если они окажутся достаточно совершенны для жизни, то останутся жить... Если же они недостаточно совершенны, то умрут, и это лучшее, что такие существа могут сделать... Общество все-таки очищается действием этого закона от негодных в каком-либо отношении элементов» [Спенсер, 1872: 379]. Слова Г. Спенсера отражают его понимание принципа «равной свободы». В основе его социологической теории лежит эволюционистская идея, которая, в свою очередь, зиждется на своеобразном представлении о природе зла. Зло, как утверждает он в работе «Социальная статистика», состоит исключительно «в недостатке приспособления к условиям существования» [Спенсер, 1872: 68]. Эволюционистская идея предполагает, что в человеке преобладает животная сущность и что общество должно непременно прогрессировать благодаря борьбе за существование, а это означает, что вредно вмешиваться в естественный процесс и «поощрять размножение наименее приспособленных», поскольку это помешает «размножению наиболее приспособленных» [Спенсер, 1872: 380]. Таким образом, прогресс, который так «необходим для благополучия англосаксонца» [Спенсер, 1872: 8], у социал-дарвинистов не просто рассматривается вне нравственного поля; он вообще мыслится как явный противовес милосердию.

Идея превосходства одних над другими по каким бы то ни было естественным признакам была весьма распространена в XIX в. Помимо социал-дарвинизма, сюда можно отнести также расово-антропологическую теорию. Эти идеи стали явным вызовом христианским нравственным ценностям, а именно идеи любви к ближнему, предполагающей равенство всех по достоинству, поскольку каждый, вне зависимости от расовой принадлежности, социального положения и показателей здоровья, есть, по христианскому учению, образ и подобие Бога и, следовательно, достоин жизни, любви, уважения и милосердного к себе отношения. С точки зрения христианства социал-дарвинистская и расово-антропологическая идеи выглядели безжалостными и даже бесчеловечными. Н.А. Бердяев объяснил неприятие этих идей необходимостью «организовать иное управление миром, управление человеком, при котором не будет невыносимых страданий, человеку человеку будет не волком, а братом» [Бердяев, 2008: 122]. Итак, встает вопрос: а можно ли допустить развитие социологии вне нравственного измерения? Н.К. Михайловский, русский социолог XIX века, восставая «против перенесения методов естественных наук в науки социальные», «настаивал на том, что в социологии неизбежны оценки» (прив. по: [Бердяев, 2008: 150]). Еще задолго до распространения нацистской идеи как логичного продолжения расово-антропологического подхода в социологии зарождается антитезис, основанный на несогласии с разделением людей на «полноценных» и «неполноценных» – все равны по достоинству. Чтобы не впадать в подобного рода антигуманные идеи, социологию как науку «о справедливом общежитии» [Кареев, 1922: 199], о «солидарности сознательных особей» [Арнольди, 1898: 129] ни в коем случае нельзя лишать нравственного идеала, как утверждал, к примеру, П.Л. Лавров (один из псевдонимов – С.С. Арнольди). По мнению П.А. Кропоткина, фактором прогресса является не борьба за существование и не естественный отбор, а взаимопомощь. «За последнее время, – писал он в работе «Взаимная помошь среди животных и людей как двигатель прогресса», – мы столько наслышались о «суровой, безжалостной борьбе за жизнь», которая якобы ведется каждым

животным против всех остальных; каждым "дикарем" против всех остальных "дикарей", и каждым цивилизованным человеком против всех его сограждан, – причем подобные утверждения сделались своего рода догматом, религией образованного общества, – что было необходимо прежде всего противопоставить им обширный ряд фактов, рисующих жизнь животных и людей с совершенно другой стороны» [Кропоткин, 1922: 9]. При этом Кропоткин не отрицал и роли борьбы за существование, предлагая учитывать сочетание двух этих важных факторов – и борьбы за существование, и взаимной помощи. Ссылаясь на «Происхождение человека» Ч. Дарвина, Кропоткин утверждал: Дарвин признавал, что ««наиболее приспособленными» оказываются вовсе не те, кто физически сильнее, или хитрее, или ловчее других, а те, кто лучше умеет соединяться и поддерживать друг друга, как сильных, так и слабых, – ради блага всего своего общества». Так что социал-дарвинисты пошли в этом вопросе дальше Дарвина и несколько исказили (или, как это охарактеризовал Кропоткин, «сузили») его теорию [Кропоткин, 1922: 15]: «беспощадную борьбу из-за личных выгод они возвели на высоту принципа, закона всей биологии, которому человек обязан подчиняться» [Кропоткин, 1922: 16]. Замечания Дарвина относитель но взаимной поддержки, «к несчастью, остались незамеченными» [Кропоткин, 1922: 14].

Стремление освободить социологическое теоретизирование от метафизики автомата-тически означало максимальное дистанцирование от этического измерения. Это дистанцирование во многом связано также с различием между отнесением к ценности и оценкой, с принципом свободы от оценки в социологии. Этическое измерение в таком случае может попасть в запретную область «оценивания»: ведь ученому нельзя «развивать, ни тем более защищать... какую-либо... ценностную позицию» [Вебер, 1990: 600]. В социологическом номинализме, таким образом, есть некая доля духовного и нравственно-го релятивизма: различие добра и зла представляется как некое «субъективное пристрастие»; следует «только понять, что представляет собой божественное для одного и что – для другого», ведь каждый «индивид должен решить, кто для него Бог и кто дьявол» [Вебер, 1990: 726], что есть добро, а что – зло, и поэтому «довольно обсуждать вопросы, уводящие нас слишком далеко» [Вебер, 1990: 727]. На эту этическую неопределенность обратила внимание П.П. Гайденко: если ставятся в один ряд харизматические лидеры Перикл, Клеон, Наполеон, Иисус Христос, Чингисхан на основании формального (идеально-типического) сходства черт их лидерства, то по каким критериям можно отличить «политика, каким был, например, Перикл, от политического демагога типа Гитлера, опиравшегося на суггестивно-эмоциональные формы воздействия на массы и потому вполне подходившего под веберовское определение харизматика»? (прив. по: [Вебер, 1990: 28]). Его мотивы, нравственные качества, содержание его идей, их созидательность или разрушительность – все то, что в той или иной мере относится к области духовно-нравственной, выносится за скобки. Но можно ли игнорировать этот аспект? Если нет, он требует дальнейшего детального исследования.

С другой стороны, важно, чтобы социология не теряла своей научности. Именно поэтому П.А. Сорокин предположил, что социологии, для того чтобы служить этическим целям, необходимо быть независимой от этики: «Если социология и другие социальные науки хотят развиваться, они должны в этом отношении следовать естественным наукам. Это не означает недооценку моральных ценностей. Но это значит, что все хорошо на своем месте. Более того, я убежден, что чем больше эти науки будут прогрессировать в чисто научном отношении, тем больше будет у них возможностей служить нашим практическим потребностям и этическим целям» [Сорокин, 2017: 162]. Он рассматривал не столько приближение социологии к этике, сколько необходимость развития самой этики как научной дисциплины, основанной на глубоких, эмпирически обоснованных знаниях социальных наук: «В будущем этика, – предполагал он, – скорее всего, превратится в сложную дисциплину, которая, как медицина, будет указывать конкретные пути и средства осуществления того, что следует делать в той или иной конкретной ситуации. В основе этих рецептов будут лежать причинно-следственные связи, выявленные и обнаруженные другими

науками, которые изучают реальность такой, какова она есть» [Сорокин, 2017: 161–162]. Сорокин сводит этический аспект социологии к тому, как «должно быть» [там же: 159], к стремлению к «реализации идеала» [там же: 161], хотя этика далеко не ограничивается вопросом об общественном идеале, в ней достаточно понятий, лежащих в области личностного выбора и межличностных отношений, – милосердие, любовь, эгоизм и т.д. Но нельзя не согласиться с тем, что социологическое знание как таковое неизбежно несет в себе этические последствия вне зависимости от того, хочет исследователь этого или нет. Таким образом, даже социология, свободная от ценностей, способна выполнять этическую функцию: «Наука, – писал Ф. Гиддингс, – не делает ничего большего, чем помогает нам смело встретиться с фактами... С фактами, которые социальные науки сделали общеизвестными и сделают еще более известными, которые способствовали бы уменьшению людских несчастий и более мудрой жизни, чем та, которой человеческая раса жила до сих пор» [Гиддингс, 2007: 164]. И здесь важно помнить, что рациональность и объективность ни в коем случае не должны обернуться наивностью и потерей бдительности. Та прекрасная перспектива, о которой солидарно говорят Гиддингс и Сорокин, открывается далеко не в любом этическом контексте. Всегда важен вопрос цели познавательной деятельности. Конечно, было бы хорошо, если бы всякий социолог добывал факты исключительно для углубления знания ради «уменьшения людских несчастий». Однако получение социологического знания и применение его всегда имеет мотив. И этот мотив далеко не всегда направлен на преодоление человеческих несчастий. Более того, есть откровенно манипулятивные техники, которые также вырастают из добытых социологами фактов, но эти факты нужны исключительно для так называемого «эффективного управления». В таком случае человек интересует не сам по себе, а как капитал, как ресурс, из которого необходимо извлечь максимум пользы и при помощи которого можно получить больше прибыли, если исследования проводить с целью введения эффективной «системы эксплуатации», которое «может быть уподоблено установке усовершенствованной машины» [Тейлор, 1922: 32]. На выявление механизмов эксплуатации человека человеком и освобождение угнетенного класса была нацелена Марксова теория. Но и здесь благие намерения предполагали жертвы. Жертвы во имя справедливого будущего считались морально оправданными. Бороться с эксплуатацией нужно было непременно через разрушение прежней структуры, через революционное насилие, начинающееся с лишения угнетателей собственности и даже жизни. Светлое будущее потомков, гипотетический коммунистический рай предполагалось строить за счет жертв – ценой жизней ныне живущих. «Революции, – писал Питирим Сорокин, – скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса. Карает же она... не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших и трудящихся классов, которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой» [Сорокин, 1992: 270].

Пример максимального включения этического аспекта в социальную науку можно увидеть у Яакова Леви Морено. Основываясь на христианской антропологии и рассматривая любого «человека как Богоподобное творческое существо», а не как животное, усматривая в нем духовное, социальное, творящее и действующее начала [Гриншпун, 2021: 15], он поставил цель исцеления человечества без предварительных разрушений и революционных переворотов и свой метод социометрии посвятил именно этой цели. Что подразумевалось под исцелением? Здесь имелся в виду прежде всего этический аспект. Метод социометрии не ограничивается диагностическими целями, он разработан Морено именно для помощи людям, которые по тем или иным причинам оказываются отверженными. Смысль выявления отвергнутых здесь полностью противоположен социал-дарвинистскому выживанию наиболее приспособленных. В работе «Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе» он утверждал, что социометрия позволяет обнаружить тех, кто находится на периферии социальных структур, и выработать

стратегию их включения в группу [Морено, 2001: 45]. Кроме того, Морено стимулировал таких членов группы к пониманию, что каждый из них не одинок и выжить они способны и без его участия, надо лишь объединиться и взаимно друг друга поддерживать. Тем самым он предотвращал их зависимость от него и поддерживал формирование сети взаимной поддержки, повышающей качество межличностного общения.

Этический аспект социологических теорий предполагает как объективный анализ моральных норм и ценностей, так и разработку методологических основ их диагностики в целях оздоровления общества. Если социология действительно «имеет гуманистическую природу», являясь «наукой об условиях развития и реализации природы человека» [Козырьков, 2021: 120], и если социологическая теория реально служит гуманитарным целям, то недопустимо даже под предлогом достижения научной объективности обесценивать «неприспособленных» и относить их к разряду «неполноценных» [Критическая социология заботы, 2019]. Напротив, гуманитарная направленность социологии означает, что она, активно включая мышление в терминах заботы [Макеева, 2024: 12–22], способствует как их адаптации, так и оздоровлению социальной атмосферы в целом [Мансуров, 2022: 118–128]. В этом смысле необходимо соблюдение баланса между объективностью социологии, с одной стороны, и ее этическими основаниями и последствиями – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольди С.С. Задачи понимания истории. М.: Изд. М. Ковалевского, 1898.
- Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гиддингс Ф.Г. Социология как наука о человеческом обществе и человеческом поведении // Социология власти. 2007. № 6. С. 151–164.
- Гриншпун И.Б. Идеи Джекоба Леви Морено в контексте развития западноевропейской и североамериканской психологии XX столетия. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021.
- Кареев Н.И. П.Л. Лавров как социолог // Лавров П.Л. Статьи, воспоминания, материалы. Пт.: Колос, 1922. С. 193–248.
- Козырьков В.П. О гуманистической направленности развития социологии. Философская антропология. 2021. Т. 7. № 2. С. 120.
- Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства. СПб.: ЕУ в СПб., 2019.
- Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пт.; М.: Голос труда, 1922.
- Макеева Т.В. Этика заботы: концепт, феномен, научный дискурс // Отечественный журнал социальной работы. 2024. № 1(96). С. 12–22.
- Мансуров В.А. «Социологи болеют за все общество в своей стране...» (интервью с В.А. Мансуровым) // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 118–128.
- Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Акад. проект, 2001.
- Сорокин П.А. Социология и этика // Наследие. 2017. № 2 (11). С. 158–162.
- Сорокин П.А. Социология революции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 266–294.
- Спенсер Г. Социальная статистика. СПб.: Изд. Н.П. Полякова, 1872.
- Тэйлор Ф. Искусство резать металл. Берлин: БИНТ, 1922.

Статья поступила: 15.07.24. Финальная версия: 18.12.24. Принята к публикации: 24.12.24.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND ETHICAL CONSEQUENCES OF SOCIOLOGICAL THEORIES

KUDRINA S.A.

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia

Sofia A. KUDRINA, Cand. Sci. (Philos.), Head of the Department of Philosophy, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (sofia-kudrina@mail.ru).

Abstract. The ethical dimensions of sociology encompass both the principles of scientific ethos in the empirical domain and the examination of moral foundations underlying sociological theories. The philosophical underpinnings of sociological concepts significantly shape their ethical implications. A key outcome of sociologists' rejection of metaphysical approaches (notably Christian traditions) in favor of scientific rigor and emphasis on the biological nature of humans and society has been a departure from the principle of equality in spiritual worth, leading to moral relativism and the potential endorsement of the superiority of certain individuals over others based on natural attributes. This raises a critical question: is it possible for sociology to develop independently of moral considerations? In conclusion, it is emphasized that sociology, while maintaining scientific objectivity, should remain a humanistically oriented discipline, fostering the protection of vulnerable social groups and promoting overall societal well-being.

Keywords: ethical aspect of sociological theories, philosophical foundations of sociology, scientific objectivity, Social Darwinism, moral assessments, solidarity, mutual aid, humanitarian aims of sociology, sociology and ethics.

REFERENCES

- Arnoldi S.S. (1898) *Tasks of Understanding the History*. Moscow: Izd. M. Kovalevskogo. (In Russ.)
- Berdyayev N. (2008) *The Russian Idea*. St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russ.)
- Critical Sociology of Care: Intersections of Social Inequality* (2019) St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Giddings F.H. (2007) Sociology as a Science of Human Society and Human Behavior. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 6: 151–164. (In Russ.)
- Grinshpoon I.B. (2021) *The Ideas of Jacob Levy Moreno in the Context of the Development of Western European and North American Psychology of the 20th Century*. Moscow: FSBEI HE MGPPU. (In Russ.)
- Kareev N.I. (1922) P.L. Lavrov as a Sociologist. In: Lavrov P.L. *Articles, Memories, Materials*. St. Petersburg: Kolos: 193–248. (In Russ.)
- Kozyrkov V.P. (2021) On the Humanistic Orientation of Sociology Development. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology]. Vol. 7. No. 2: 120. (In Russ.)
- Kropotkin P.A. (1922) *Mutual Aid Among Animals and Humans as a Driver of Progress*. Saint Petersburg, Moscow: Golos Truda. (In Russ.)
- Makeeva T.V. (2024) Ethics of Care: Concept, Phenomenon, Scientific Discourse. *Otechestvennyi zhurnal sotsialnoi raboty* [Domestic Journal of Social Work]. No. 1 (96): 12–22. (In Russ.)
- Mansurov V.A. (2022) "Sociologists Are Concerned About Society as a Whole in Their Country..." (Interview with V.A. Mansurov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 118–128. (In Russ.)
- Moreno J.L. (2001) *Sociometry, Experimental Method and The Science of Society*. Moscow: Akadem. Proekt. (In Russ.)
- Sorokin P. (1992) Sociology of Revolution. In: Sorokin P. *Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat: 266–294. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2017) Sociology and Ethics. *Nasledie* [Heritage]. No. 2(11): 158–162. (In Russ.)
- Spencer H. (1872) *Social Statics*. St. Petersburg: Izd. N.P. Polyakova. (In Russ.)
- Taylor F. (1922) *On the Art of Cutting Metals*. Berlin: BINT. (In Russ.)
- Weber M. (1990) *Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Received: 15.07.24. Final version: 18.12.24. Accepted: 24.12.24.